

Примечания

¹ См.: Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.

² Серов Н.В. Хроматизм мира. Л., 1990: Он же. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб., 2004.

³ Прокофьева Л.П., Шуришина Т.И. Автор и читатель с точки зрения фоносемантики («Цветовые поля» стихотворения В. Набокова «Бабочка») // Антропоцентрическая

парадигма в филологии. Ч.1. Литературоведение. Ставрополь, 2003. С.475–485.

⁴ Ruiz-Casado M., Alfonseca E., Castells P. Automatic Inference of Word Meaning Using Phonosemantic Patterns // Second International Semantic Web Conference (ISWC 2004). Hiroshima, Japan. November 2004 (<http://nets.iij.uam.es/publications/nlp/iswc04.pdf>).

УДК 811.14 –366

ВОКАЛЬНЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Н.И. Данилина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

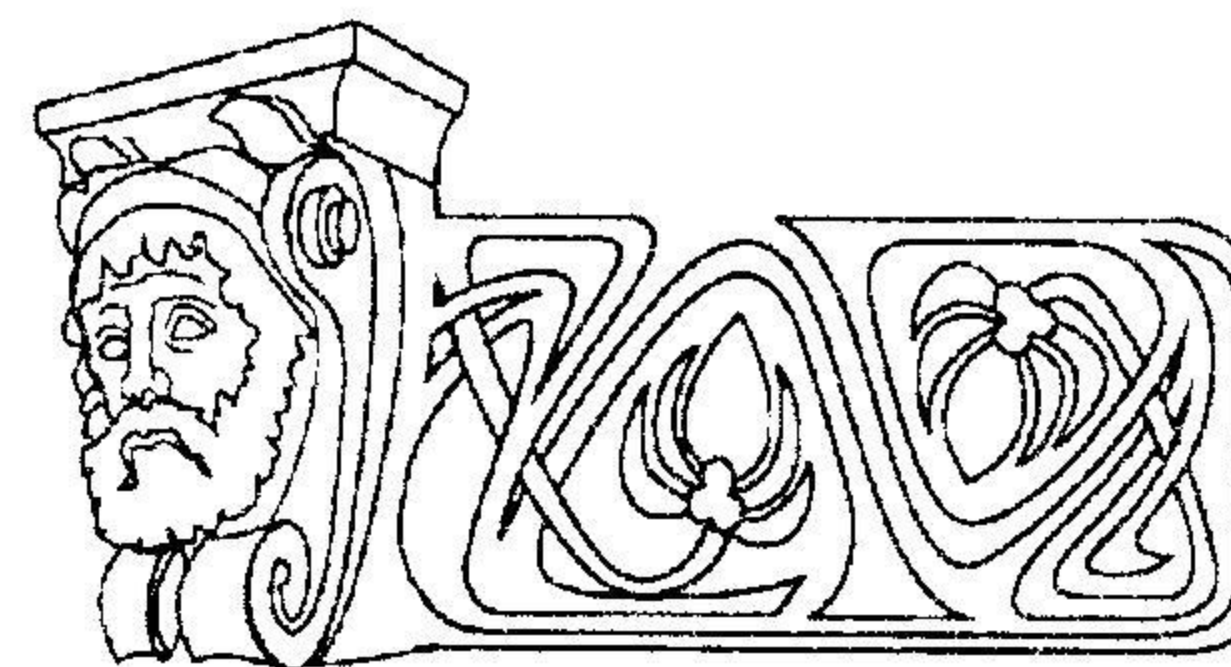
В статье представлены и систематизированы материалы, которые ранее лишь мимоходом затрагивались в исследованиях по древнегреческому глагольному вокализму. Анализируя материал, автор приходит к выводу, что чередования, являющиеся объектом исследования, не имеют синхронной фонетической обусловленности и могут быть отнесены к сфере морфонологии. Предложены новые параметры классификации данных чередований: качественный или количественный характер альтернации, количество и качество позиций производного (маркированного) альтернанта, фонетическое качество членов чередования. Доказано, что для рассматриваемого участка морфонологической системы древнегреческого языка решающим фактором стратификации позиций является маркированность, определяющаяся отношениями между членами альтернативного ряда. Устанавливается также лексическая представленность каждого из выделенных классов чередований.

Vocal Alterations in Ancient Greek Verb Transformations

N. I. Danilina

The article aims at introducing and classifying of the materials only partly touched upon in the previous research, namely upon the Ancient Greek verb vocalism. The article concludes that the alternations under consideration have no synchronic phonetic causation and can be placed in the sphere of morphonology. A new criteria for classification of these alternations is offered: qualitative or quantitative character of alternation, the quality and quantity of position of the resulting (marked) alternate, the phonetic quality of the members of alternation. The article shows that for the sector of morphonological system of the Ancient Greek under consideration the main factor for stratification of positions is the markedness, defined by the relations between the members of the marked row. The article also states how each class of alternations is represented lexically.

Весьма значительная роль звуковых чередований в древнегреческом словообразовании и словоизменении общеизвестна. В то же время до сих пор чередования эти не бы-

ли ни представлены в форме единой классификации, ни охарактеризованы с синхронной или функциональной точки зрения.

В данной статье мы предлагаем систематизацию вокалических чередований, имеющих место в древнегреческом глагольном словоизменении. Материал собран нами по словарю¹ с использованием исторических комментариев, дающихся ряду форм².

В применении к исследуемому материалу особенно явно выступает неполнота традиционных классификаций, ориентированных как на МФШ, так и на ЛФШ³: все чередования данного участка языковой системы относятся к морфонологическим (историческим, традиционным), тогда как в основе упомянутых схем лежит противопоставление по-разному именуемых фонетически обусловленных и необусловленных чередований. Свою задачу мы видим в нахождении иных параметров, позволяющих не только характеризовать каждое чередование, но и систематизировать их совокупность.

Общепринятое разбиение вокальных чередований на количественные и качественные для древнегреческой глагольной системы не может быть проведено последовательно. Строго говоря, качественным является только чередование ϵ/\circ , количественными – чередование ϵ/\emptyset (соответственно $\epsilon\iota/\iota$, $\epsilon\upsilon/\upsilon$) и чередование одготембровых долгих и крат-

ких гласных, встречающиеся в незначительном количестве глаголов (ἔχω/σχῆσω, λείπω/ἔλιπον, φεύγω/έφυγον, κρίνω/κέκρικα, τύφω/τέτυφα и т.д.). Чередования, представленные в большинстве глаголов, знающих фонологическое варьирование корня, носят смешанный характер: α/η, ε/ει (στέλλω/ἔστειλα, σφάλλω/έσφηλα, σήπω/εσάπην и т.д.). Некоторые чередования в процессе исторического развития изменили статус: количественное чередование е/∅ в глаголах со слоговым сонорным в корне трансформировалось в качественное ε/α (στέλλω/έσταλμαι).

С количественно-качественными характеристиками чередований определенным образом соотносятся их диахронические характеристики: «чистые» чередования в большинстве случаев являются индоевропейскими реликтами (за исключением некоторых случаев чередования однотембровых гласных по количеству и греческой инновации α/∅ < *m в глаголе κάμνω), смешанные и являющиеся результатами трансформации имеют собственно греческое происхождение.

Критерий фонетической обусловленности членов альтернативного ряда может быть применен дважды: в синхронном и в диахроническом плане. С диахронической точки зрения параметр фонетической обусловленности согласуется с количественно-качественной «чистотой», точнее смешанностью чередования: у «чистых» альтернатив фонетическая обусловленность не прослеживается даже в прошлом, смешанные же являлись фонетически обусловленными на некотором постиндоевропейском доклассическом временном отрезке.

По количеству членов рассматриваемые альтернативы, как правило, двучленны. Наблюдаемая в рамках словоизменительной парадигмы некоторых глаголов трехчленность (и более) альтернативного ряда связана с совмещением в его составе нескольких чередований различного происхождения и характера, например, одного из количественных или смешанных с качественным е/о (τρέφω/ετράφην/τέτροφα), нескольких количественных или смешанных, являющихся

рефлексами разных фонетических процессов в истории языка (ἔπατον/πέισομαι/πέποντα, κείρω/κερῶ/εκάρην и др.).

Поскольку главная функция изучаемых чередований состоит в дополнительной маркировке образуемых аффиксальным способом временных глагольных основ, то одним из параметров характеристики альтернативных рядов следует признать функциональный, точнее морфонологически позиционный⁴. Данный критерий позволяет подвергнуть дальнейшей классификации чередования с морфонологическим статусом и впоследствии выделить ряды чередующихся фонем, функционирующие в рамках определенной группы морфем каждый и могущие получить название морфемом. Приоритет позиционного критерия перед качественным или статистическим подтверждается, в частности, тем, что одна и та же альтернативная пара может иметь несколько типов позиционного распределения, а разные альтернативные пары – одинаковую морфонологическую дистрибуцию. Например, пара α/η в глаголах λαμβάνω, λανθάνω и др. имеет α в основах презенса и активного аориста, η – в остальных формах, в глаголах же ρήγνυμι, πήγνυμι и др. α маркирует только пассивный аорист, аналогично ведет себя пара υ/ευ в глаголе ζεύγνυμι, противопоставляющем пассивный аорист остальным формам. В то же время группировка чередований по позиционному принципу не только не противоречит, но и в ряде случаев совпадает с группировкой по другим признакам, выделяя тем самым иерархию последних в морфонологической системе древнегреческого вокализма.

Мы предлагаем следующую позиционную классификацию морфонологических вокальных чередований древнегреческого глагольного словоизменения.

На начальном этапе выделяем уникальный тип дистрибуции, свойственный только одной альтернативной паре – ε/ο. Позиционная суть его заключается в противопоставлении основы перфекта 2, маркируемой альтернантом ο, остальным глагольным основам. Единично встречается ο в перфекте 1:

δέδοικα от δείδω. В традиционной классификации данное чередование противопоставляется остальным как качественное количественным или смешанным, имеющим в основе фонетические процессы, связанные с количеством (например, заместительное удлинение).

Представленность в глаголе рассматриваемого чередования не соотносится однозначно с наличием количественного варьирования корневого гласного. Так, глаголы, не содержащие количественных альтернатив, могут иметь чередование ε/ο (στέρω/ἔστωρα, πέμπω/πέπομφα, συλλέγω/συνείλοχα), и, наоборот, не все глаголы с количественными чередованиями имеют также и качественное (σῆπω/σέσηπα при ρήγνυμι/ἔρρωγα). Кроме того, возможность образования от того или иного глагола перфекта 2 или же перфекта 1 не обусловлена, вопреки мнению А.Ч. Козаржевского⁵, ни грамматически, ни морфонологически (отмечен перфект 2 от основ не только на губные и заднеязычные, но и на сонорные и переднеязычные, например, ἔκτονα от κτείνω, δέδια от δείδω и др.), поэтому глаголы с однотипными количественными чередованиями корневого гласного могут образовывать как (либо) перфект 2 с ο, так и (либо) перфект 1 (κτείνω – ἔκτονα, φθείρω – ἔφθορα и ἔφθορκα, τείνω – τέτακα; εὔειρω – εὔρέγορα, но ἀεείρω – ἀγήγερκα). В то же время следует обратить внимание на существование нескольких групп глаголов, имеющих каждая одно и то же количественное (или смешанное) чередование в сочетании с чередованием ε/ο. Таковы группы: λείπω, πείθω; στρέφω, τρέφω, τρέπω, τέρω; τίκτω, γίγνομαι; κτείνω, φθείρω. Представлен перфект 2 с ο также в глаголах πάσχω – πέποντα и δέμω – δέδομα, одиночных в плане количественных чередований.

Следующий этап позиционной классификации заключается в анализе дистрибуции альтернантов количественных и смешанных чередований. Суть его состоит в установлении иерархии морфонологических позиций и представленных в них альтернантов.

Обработка материала показала, что для корневого гласного любая из традиционно выделяемых морфологических позиций, т.е. положений в той или иной временной глагольной основе, выступает в то же время и как морфонологическая, что может быть аргументировано двумя фактами. Во-первых, не было найдено пары временных основ, совпадение вокализма в которых имело бы место для всех глаголов. Возможно, впрочем, что такой парой являются перфект активный 1 и перфект пассивный, хотя далеко не для всех глаголов с вокальными чередованиями в корне засвидетельствованы обе эти формы. Во-вторых, в древнегреческом языке для гласного любую позицию следует считать фонетически сильной, т.е. морфонологически релевантной. В результате количество морфонологических позиций можно принять равным 6: презенс (с имперфектом), футурум, аорист активный (и медиальный), аорист пассивный, перфект активный 2, перфект активный 1 и перфект пассивный. Поскольку полученное число позиций сравнительно велико, приобретает актуальность установление их иерархии.

В смешанных и некоторых чисто количественных чередованиях, которые подвергаются классификации на данном этапе исследования, один из членов альтернативной пары имеет диахронически производный характер, т.е. является рефлексом какого-либо засвидетельствованного фонетического процесса в истории языка. Число морфонологических позиций, в которых представлен такой альтернант, как правило, меньше числа позиций производного альтернанта. Учитывая названные факторы, считаем возможным применить к позициям производного альтернанта термин «маркированные», производного – «немаркированные». К производным альтернантам условно отнесем также нулевой, так как позиционное распределение его, как правило, совпадает с позиционным распределением производного альтернанта α, восходящего к индоевропейским слоговым сонорным, и альтернантов υ, ι в чередовании с дифтонгами, т.е. к этимологически нулевой ступени вокализма корня.

Предлагаемая далее классификация количественных и смешанных чередований состоит в описании типов позиционного распределения членов альтернативных рядов, т.е. перечислении маркированных позиций и репрезентирующих их альтернантов, и составлении перечня глаголов, в парадигме которых отмечаются чередования каждого типа.

В результате выделяется 3 группы чередований, а именно представленные в парадигме глаголов: 1) содержащих в качестве маркированных позиции, носившие в прошлом характер фонетических с рефlekсами – долгими гласными (заместительное удлинение, метатеза *j* и др.), назовем такие чередования долготными; 2) содержащих в качестве маркированных позиции нулевого альтернанта и его диахронических эквивалентов, назовем такие чередования краткостными; 3) содержащих маркированные позиции обоих предыдущих типов, назовем такие чередования долготно-краткостными.

Дальнейшую классификацию предлагаем произвести в рамках каждой из выделенных групп по одинаковым параметрам, к числу которых, на наш взгляд, целесообразно отнести: 1) количество маркированных позиций (в результате чередования будут разделены на однопозиционные, двухпозиционные, трехпозиционные и единично представленные многопозиционные); 2) качество маркированных позиций (какие именно позиции маркируются, следствием какого диахронического процесса это является); 3) фонетическое качество альтернантов. Иерархические отношения между названными параметрами соответствуют порядку их перечисления.

Предлагаем классификацию количественных и смешанных чередований в развернутом виде с перечнями глаголов, содержащих в своей парадигме разные типы альтернативных рядов.

I. Долготные чередования.

I.1. Однопозиционные с долгим альтернантом в следующих формах.

I.1.A. Аорист активный (сигматический с утраченной сигмой).

ε/ει ἄγγελῶ, ἄγγέλλω/ἠγγείλα.
 α/η, например, σφαλῶ, σφάλλω/ἔσφηλα (глаголы σφάλλω, πάλλω, ψάλλω).

Примечание: два последних альтернативных ряда могут быть отнесены также к числу двухпозиционных, так как презенсным альтернантом является, строго говоря, не краткий гласный как таковой, а сочетание гласного с фактом удвоения согласного.

I.1.B. Презенс *ύ/υ*. τέτυφα/τύφω.

I.2. Двухпозиционные с долгим альтернантом в следующих формах:

I.2.A. Презенс; аорист активный.

ε/ει, например, ἔγειρῶ/ἠγείρα (глаголы ἔγειρῶ, ἄγειρω).

ί/ι, например, κρινῶ/κρίνω, ἔκρινα (глаголы κρίνω, κλίνω).

α/αι/α, например, εὐφρανῶ/εὐφραίνω/εὐφρανα (глаголы εὐφραίνω, μωραίνω).

α/αι/η, например, μιανῶ/μιαίνω/εμίηνα (многие отыменные глаголы на -αίνω).

Примечание 1: ряд глаголов имеет формы аориста как с α, так и с η.

Примечание 2: презенсный альтернант в данных рядах, вероятно, не является единой долгой фонемой, а содержит морфологическую границу – показатель производности глаголов.

Примечание 3: возможно, данные альтернативные ряды являются морфологически редуцированным рядом типа I.3.A, так как либо относящиеся к ним глаголы образуют только перфект 1, либо формы активного перфекта для них словарем вообще не отмечены.

I.3. Трехпозиционные с долгим альтернантом в презенсе, аористе активном и перфекте активном 2.

α/αι/η, например, φανῶ/φαίνω/ἔφηνα, πέφηνα (глаголы φαίνω, μαίνομαι).

I.4. Многопозиционные с долгим альтернантом во всех формах, кроме презенса.

ε/ει σπένδω/σπείσω, ἔσπεισα, ἔσπεισμαι, ἔσπείστην.

Примечание: причина многопозиционной долготы – особенности консонантного состава корня: сочетание двух согласных на конце корня перед начальным согласным флексии подвергается упрощению, за которым следует заместительное удлинение корневого гласного.

II. Краткостные чередования.

II.1. Однопозиционные с кратким альтернантом в следующих формах:

II.1.A. Аорист пассивный.

ε/α, например, κλέπτω/εκλάπην (глаголы κλέπτω, πλέκω).

η/α, например, σήπω/εσάπην (глаголы σήπω, πλήττω, πήγνυμι, ρήγνυμι).

ευ/υ ζεύγνυμι/εζύγην.

II.1.B. Аорист 2.

ε/α, например, δέρκομαι/έδρακον (глаголы δέρκομαι, πέρθω).

ευ/υ, например, φεύγω/έφυγον (глаголы φεύγω, κεύθω).

ει/ι, например, λείπω/έλιπον (глаголы λείπω, πείθω).

II.1.C. Презенс.

ε/∅, например, τέξομαι/τίκτω (глаголы τίκτω, γίγνομαι).

II.1.D. Перфект 1 или перфект пассивный.

α/∅ κάμνω/κέκμηκα.

Примечание: возможно, данный ряд относится к типу II.2.A, но форма пассивного аориста словарем не отмечена.

ε/∅ πετάννυμι/πέπταμαι.

II.1.E. Перфект 2.

ει/ι, например, δείδω/δέδια (глаголы δείδω, αλείφω).

II.2. Двухпозиционные с кратким альтернантом в следующих формах:

II.2.A. Аорист пассивный; перфект пассивный и/или перфект 1.

ε/α, например, στρέφω/εστράφην, έστραμμαι (глаголы στρέφω, τρέφω, τρέπω, τέρπω).

α/∅, например, βάλλω/εβλήθην, βέβληκα, βέβλημαι (глаголы βάλλω, κεράννυμι).

ε/∅ τέμνω/ετμήθην, τέτμηκα, τέτμημαι.

II.2.B. Аорист 2; презенс.

η/α, например, δήξομαι/έδακον, δάκνω (глаголы δάκνω, λαγχάνω, λαμβάνω, λανθάνω).

II.2.C. Аорист 2; перфект пассивный.

ει/ι, например, έρείκω/ήρικον, έρήριγμα (глаголы έρείκω, έρείπω).

ευ/υ τεύχω/τέτυκον, τέτυγμα.

II.2.D. Презенс; перфект 1.

ε/∅ έπεσον/πίτω, πέπτοκα.

II.3. Многопозиционные с кратким альтернантом во всех формах, кроме следующих.

II.3.A. Футурум.

ευ/υ, например, πεύσομαι/πυντάνομαι, έπυθόμην, πέπυσμαι (глаголы πυνθάνομαι, τυγχάνω).

II.3.B. Футурум (факультативно); презенс.

ε/∅, например, έξω, έχω/σχήσω, έσχον, έσχηκα, έσχέθην (глаголы έχω, έπομαι).

II.3.C. Презенс; перфект пассивный.

ε/∅ πέτομαι, πελότημαι/πτήσομαι, έπτόμην.

III. Долготно-краткостные чередования.

III.1. Позиция основного альтернанта – футурум, долгого – аорист активный, презенс; краткого – аорист пассивный, перфект 1 и пассивный.

ε/ει/α, например, τενω/τείνω, έτεινα/έτάθην, τέτακα, τέταμμαι (глаголы κτείνω, σπείρω, τείνω, φθείρω, κείρω, πείρω).

Примечание: к этому же типу целесообразно отнести глагол στέλλω –

στελω/έστειλα/εστάλην, έσταλμαι, έσταλκα.

ε/ει/∅ δεμω/έδειμα/δέδηκα, δέδημαι.

III.2. Позиция основного альтернанта отсутствует, позиция долгого альтернанта – футурум, позиция краткого альтернанта – аорист 2, презенс.

ει/α πείσομαι/ἔπαθον, πάσχω (глаголы *πάσχω, χανδάνω*).

Анализируя полученную классификацию количественных словоизменительных чередований, построенную с учетом позиционных и дистрибуционных факторов, можно сделать следующие выводы относительно системы морфонологических позиций словоизменительного вокализма в древнегреческом.

Во-первых, констатируется отсутствие позиций нейтрализации, следовательно, с точки зрения количественного критерия, все выделенные морфонологические позиции являются сильными, поэтому в стратификации позиций решающее значение приобретает критерий взаимных отношений членов альтернативного ряда, т.е. фактор маркированности.

Во-вторых, состав маркированных и немаркированных морфонологических позиций носит лексикализованный характер, т.е. различается в разных группах глаголов. Единственная позиция, немаркированная для всех глаголов (кроме *στένω*), – футурум. Маркированный футурум наряду с немаркированным возможен также для глагола *ἔχω*: *σχήσω* и *ἔξω*.

В-третьих, множество маркированных морфонологических позиций может быть разделено на две непересекающиеся группы: долготную (аорист 1, презенс без удвоения или инфиксации) и краткостную (аорист 2, аорист пассивный, перфект 1 и перфект пассивный, презенс с удвоением или инфиксацией). Большинство глаголов содержит в парадигме маркированные морфонологические позиции какой-либо одной из этих групп, и лишь немногие (порядка 10 лексем) – маркированные позиции обоих типов.

В-четвертых, принимая во внимание не только количественное и смешанное, но и качественное варьирование корневого гласного глаголов, к маркированным морфонологическим позициям следует отнести также имеющую место в ряде глаголов позицию перфекта 2 с альтернантом *ο*, чередующимся с *ε*.

Итак, мы охарактеризовали систему морфонологических позиций и их иерархические отношения. Обратимся к системе

единиц, функционирующих на морфонологическом уровне. Вопрос о наличии в морфонологии специфической уровневой единицы получает у разных исследователей различную трактовку.

В рамках теорий, отрицающих наличие морфемы как единицы и считающих этот термин отнюдь не необходимой заменой терминов «альтернативный ряд» или «альтернативная пара»⁶, предложенное нами описание можно считать завершённым.

У ученых, придающих морфеме статус единицы, встречается отнесение данного термина к двум различным сущностям: альтернативному ряду с неавтоматической меной членов⁷ и множеству альтернативных рядов с одинаковым типом позиционного распределения членов⁸.

Если следовать первому подходу, то выделенные нами альтернативные ряды можно назвать морфемами, включив в некоторые из них перфектный альтернант и введя соответствующие обозначения с указанием на основной (немаркированный) альтернант.

Второй подход позволяет произвести обобщение альтернативных рядов с одинаковым типом позиционного распределения и ввести для обобщенных объектов условные обозначения, не включающие указаний на фонетическое качество репрезентантов, например, Д1 для всех однопозиционных долготных чередований, К1 – для однопозиционных краткостных и т.п. При таком понимании морфемами могут быть названы выделенные нами подгруппы чередований с буквенно-цифровыми номерами.

Поскольку цель настоящей статьи – введение в научный обиход конкретного материала и его систематизация, основными итогами работы мы считаем следующие. Все анализируемые чередования (древнегреческий глагольный вокализм) не имеют синхронной фонетической обусловленности и могут быть отнесены к сфере морфонологии. В число параметров, по которым целесообразно классифицировать названные чередования, предлагается включить качественный или количественный характер альтернативации, количество и качество позиций производного (маркированного) альтернанта, фонетическое качество членов чередования. Доказано, что

для рассматриваемого участка морфонологической системы древнегреческого языка решающим фактором стратификации позиций является маркированность, определяющаяся отношениями между членами альтернативного ряда. В статье устанавливается также лексическая представленность каждого из выделенных классов чередований.

Примечания

¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.

² См.: Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. М., 1993; Славянская М.И. Учебник древнегреческого языка. М., 2003; Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.

³ См., напр.: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Берштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974; Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986.

⁴ Принципиально иной подход см.: Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.

⁵ Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка С.85.

⁶ См., напр.: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

⁷ Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1983.

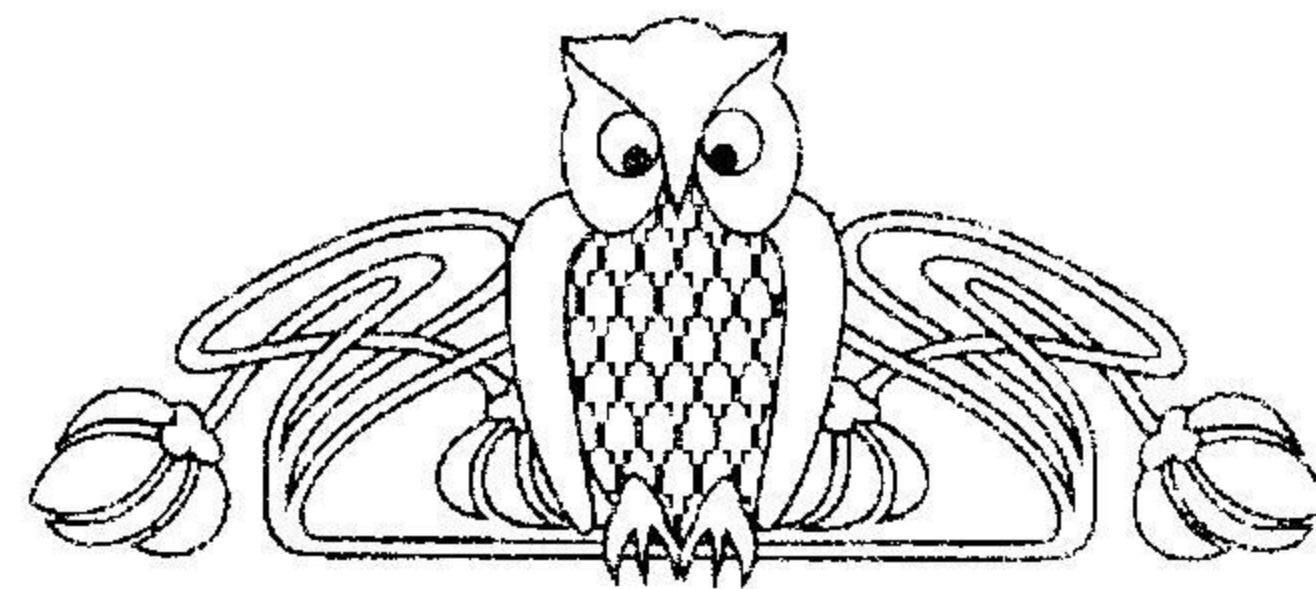
⁸ Бромлей С.В., Булатова Л.И. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

УДК 811.133.1

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ КАРТУЛЯРИЯ ТУЛУЗСКОГО КОНСУЛАТА XII–XIII ВЕКОВ

Л.М. Лукьянова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья посвящена исследованию латинского текста XII–XIII вв., который до этого не привлекал внимание лингвистов. Выделяются и классифицируются различные фонетические и лексические особенности. Они являются типичными для использовавшегося в то время в Провансе варианта средневековой латыни. Предложенные материалы могут в дальнейшем быть использованы в исследованиях романских языков.

Some Observations on the Language of the Cartulary of Toulouse

L.M. Lukjanova

The article deals with the language of the XII–XIII century Latin text that has so far never attracted the attention of the linguists. Different phonetic and lexical phenomena of the text are singled out and classified. They are representative of the variant of medieval Latin then used in Provence. Materials offered may serve as the ground for further study by scholars of the Roman languages.

Известно, что после падения Западной Римской империи (V в. н.э.) и образования на её территории варварских государств латынь как единый язык постепенно уходит и из него вырастают романские языки в соответствии с внутренними законами развития языка. Окончательно романские языки обособились в IX веке. Но латынь продолжает жить как язык государственных официальных доку-

ментов: международных договоров, постановлений муниципальных властей, церковных записей и т.п. На латинском языке составляются судебники первых варварских государств Западной Европы, так называемые «правды» (*leges*).

Эта традиция использования латыни в юридических документах сохранялась на протяжении всего Средневековья. Но неприятие христианской церковью языческой литературы привело к отходу от норм классической латыни, и поэтому язык нотариальных и церковных документов всё более пронизывается произвольными искажениями. Часто становится непонятным синтаксис, бывает трудно улавливать смысл фразы, и поэтому ранние средневековые документы в большинстве своём представляют *antilingua* — язык, утративший способность служить средством общения¹.

Лишь после того как при дворе Карла Великого (768–814) был принят ряд мер по возрождению образования и культуры, повышается грамотность нотариусов, составляю-